

1915 г.

002
M-39

МАЯКЪ.

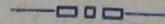
СОДЕРЖАНІЕ:

Три яйца. Разсказъ *Ст. Марса*.
Цвѣтутъ фіалки. Стих. *О. Жукъ*.
Герои-рудокопы. *И. Горбунова-Посадова*.
Весной пахнуло. Стих. *Н. Страховой*.
Сольвэ съ Солнечнаго хутора. Повѣсть *Г. Онруда*.
Думающія животныя. *М. Яковлевой*.
Своимъ домкомъ. *В. Лукьянской*.

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ.

Маленькіе японцы. Повѣсть *Люси Фичъ-Перкинсъ*.

Въ текстѣ 37 рисунковъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Какъ помогать въ несчастныхъ случаяхъ. *Л. и Ж. Караваевы*. Выпускъ I. (Какъ переносить заболѣвшихъ. — Перевязки. — Ушибы и раны. Ожоги.) Съ 40 рисунками.

№ 4.

Три яйца.

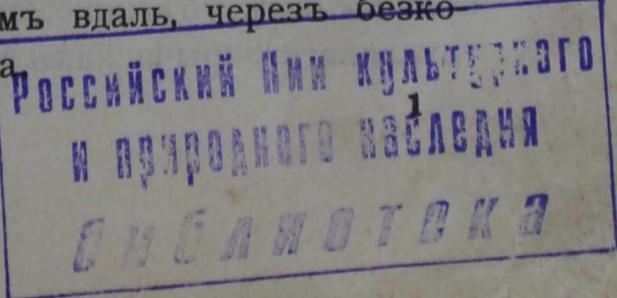
Разсказъ Ст. Марса.

Пятнадцать дюймовъ сосредоточенной стремительности. Пара изогнутыхъ крыльевъ и пара шпоръ, подобныхъ стальнымъ остриямъ. А между крыльями и шпорами тѣло и ноги, на которыхъ росли шпоры. Цѣлое же—воплощенная мощь, быстрота, напряженіе и сверхъ-отвага—неслось подъ именемъ Его Свѣтлости Сокола-Сапсана. То былъ

принцъ крови, охотникъ по призванію и хищникъ, конечно. Богъ одинъ да еще онъ самъ знаетъ, откуда онъ появился. Только-что его не было, и вдругъ онъ вылетѣлъ свистящимъ стальнымъ клиномъ изъ глубины выси. Еще моментъ, и онъ сидитъ на выступѣ далекой сѣрой скалы, спокойный, надменный и властный, задумчиво глядя на бившуюся у него въ когтяхъ горлицу.

Среди обитателей страны его прибытіе не вызвало никакого восторга. То были птицы: чайки, тупики, кайры, грачи, галки, голуби, каменки, пустельги и другія. Онѣ почувствовали себя такъ, какъ почувствовали бы себя люди, если бы среди нихъ вдругъ поселился людоедъ.

Онѣ всѣмъ сердцемъ надѣялись, что онъ улетитъ, но надежда ихъ угасла на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Едва лишь забрезжилъ блѣдно-сѣрый разсвѣтъ, онѣ увидѣли его на зубцѣ скалы и пристально глядящимъ вдаль, черезъ безконечныя волны Атлантическаго океана.

Солнце выглянуло надъ горизонтомъ, заливая все волшебнымъ краснымъ сіяніемъ, и дикій вопль вырвался въ тотъ же моментъ изъ горлъ пернатого народа, и каждая голова, каждый блестящій, быстрый глазокъ повернулся въ одномъ направленіи—вверхъ.

Соколь летѣлъ.

Онъ метнулся впередъ и вверхъ такъ внезапно и стремительно, что у слѣдившаго за нимъ захватило дыханіе. Нѣсколько быстрыхъ, какъ молнія ударовъ крыла, и затѣмъ—легкій, быстрый, какъ вѣтеръ, порывистый, стремительный, неутомимый полетъ сокола.

Трепетавшія передъ нимъ птицы прослѣдили, какъ онъ исчезъ въ нѣсколько секундъ за утесомъ, дивясь, что онъ не убилъ ихъ на мѣстѣ, и вернулись къ своимъ дневнымъ занятіямъ.

Что онъ дѣлалъ и гдѣ онъ былъ въ отсутствіи, нашъ странникъ никогда не сообщалъ. То была молодая птица, достигшая зрѣлаго возраста, то-есть совершеннолѣтія—и онъ чувствовалъ потребность въ подругѣ, которая раздѣлила бы его тревоги и радости до конца его дней, такъ какъ соколы остаются вѣрными всю свою жизнь.

Никто никогда не видѣлъ взрослого сокола безъ пары. Если одинъ изъ супруговъ оказывался убитымъ, оставшійся въ живыхъ немедленно пускался въ таинственное путешествіе и возвращался съ новой подругой.

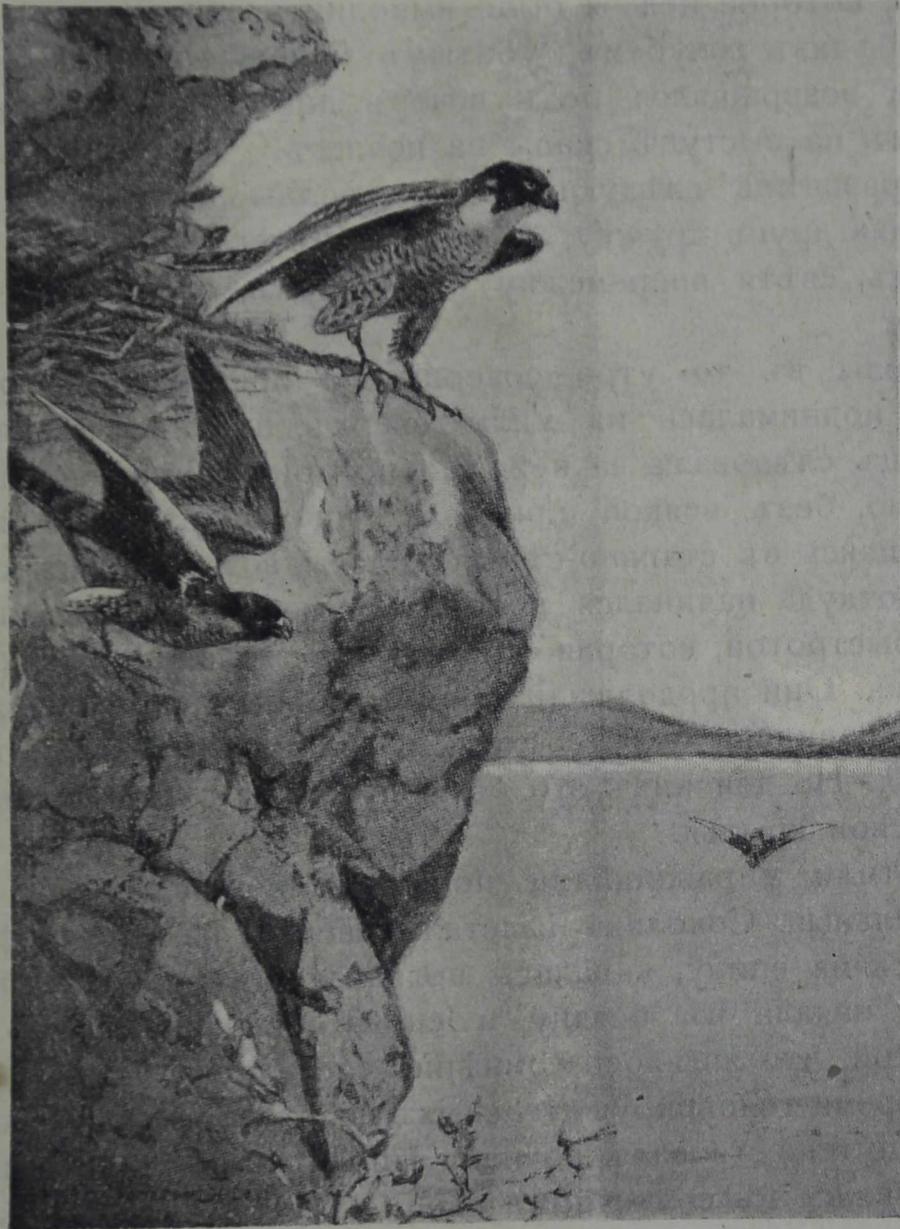
Вотъ почему и нашъ соколь нашелъ для себя подходящимъ улетѣть на нѣсколько дней, не давая никому объясненій и предоставивъ птичьему народу наслаждаться мыслью, будто онъ улетѣлъ навсегда.

Когда соколь вернулся, онъ нашелъ на зубцѣ „его“ скалы сарыча, который жалобнымъ мяуканьемъ навелъ страхъ на все птичье царство.

Вмѣстѣ съ соколомъ появилась другая, болѣе крупная птица, его новая подруга. Она была больше его на цѣлыхъ два дюйма въ длину; на буровато-бѣлой груди у нея были маленькія, въ видѣ стрѣлокъ, черныя отмѣтины, между тѣмъ, какъ у сокола были косыя, изломанныя полоски, но она обладала всей его надменностью, нетерпимостью, властью, дерзостью и отвагой, даже еще въ большей степени.

Завидѣвъ издали, приблизительно на разстояніи мили, избранное имъ убѣжище, соколь стрѣлой пустился къ нему, и трусливаго сарыча какъ не бывало на скалѣ.

Соколиха взмыла кверху, выписывая на голубомъ сводѣ широкія спирали, пока не превратилась въ безконечно далекую точку. И тамъ она спокойно сложила крылья. Результатъ получился поразительный: она поднималась вверхъ въ теченіе пяти минутъ, а упала внизъ въ пять секундъ.

Пара черныхъ воронъ покинула свое любимое занятіе надѣдать другимъ птицамъ и, бранясь, летала вокругъ сокола. Онѣ не видѣли соколихи, но соколиха увидала ихъ и прицѣлилась чрезвычайно мѣтко. Какъ молнія, ударила она одну изъ воронъ въ тотъ самый моментъ, когда та кружилась надъ моремъ.

Ударъ, клочки перьевъ, свистъ могучихъ крыльевъ соколихи, стремительно скользящей внизъ и снова вверхъ, и

тѣло вороны, безжизненное, совершенно разбитое, упало далеко внизъ, въ голодное море.

Такимъ образомъ, двумя быстрыми ударами соколы утвердили свое господство на скалистомъ берегу. Слѣдующимъ дѣломъ было заложить домъ (оба они лишь недавно достигли зрѣлости и гнѣзда не имѣли), а это было дѣломъ нелегкимъ, дѣломъ, которое нельзя было выполнить однимъ духомъ.

Пообѣдавъ голубемъ, убитымъ налету въ то время, какъ бѣдняга возвращался подъ вечеръ домой, они усѣлись рядышкомъ на выступѣ скалы на ночлегъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня волны взапуски мчались, перегоняя другъ дружку, бушевалъ вѣтеръ, а солнце весело смѣялось, свѣтя попеременно съ ливнемъ, словно плача отъ радости.

Соколы въ то утро совершенно обезумѣли. Соколиха упрямо поднималась на милю вверхъ, противъ вѣтра, а ея товарищъ слѣдовалъ за ней, словно привязанный веревочкой. Внезапно, безъ всякой причины, они поворачивали назадъ, превращаясь въ стально-сѣрыя полосы, возвращались къ тому мѣсту, откуда начинался полетъ. Все это продѣлывалось съ такой быстротой, которая вызвала бы головокруженіе даже у стрижа. Они продолжали свои маневры такъ долго, что у зрителя начинали болѣть глаза, и голова кружилась отъ наблюденія. Но для нихъ это было пустякомъ: они лишь упражняли свои крылья.

За этими упражненіями послѣдовали новыя, еще болѣе изумительныя. Соколиха взлетала вверхъ на тысячу футовъ, ложилась на спину, качалась, поддаваясь вѣтру, и затѣмъ съ размаху падала въ бездну и снова возвращалась съ такой быстротой, что являлось сомнѣніе, улетала ли она вообще.

Во время головокружительныхъ полетовъ, молодой подруги, соколъ путешествовалъ по небу гигантскими спиралями, пока не скрывался въ солнечномъ сіяніи. Затѣмъ онъ возвращался прямо, какъ падаетъ метеоръ, и мчался навстрѣчу подругѣ.

Не обезумѣлъ ли онъ, этотъ соколъ? Ужъ не собирается ли онъ стереть ее въ порошокъ, уничтожить такъ, чтобы и слѣда отъ нея не осталось? О, ужасъ, они встрѣтились! Нѣтъ, они не встрѣтились: въ тотъ мигъ, когда она очутилась на дюймъ отъ смерти, она спокойно перекувырнулась въ воздухъ и пропустила мимо себя мчавшагося съ быстротою молніи сокола.

Такъ они рѣзвились до самаго полудня и затѣмъ нашли себѣ мѣсто для дома. Выступъ скалы былъ отвергнутъ послѣ должнаго осмотра, какъ слишкомъ открытое мѣсто. Уютная выемка въ видѣ чаши, позади выступа, была также оставлена безъ вниманія. Выборъ палъ на углубленіе въ видѣ пещеры, расположенное въ десяти футахъ отъ вершины скалы: тянувшееся на четыре фута вглубь скалы и недоступное дождю и бурѣ, оно казалось вполне пригоднымъ мѣстомъ для гнѣзда.

Отъ птицы царственной породы нельзя было ждать, чтобы она снизошла до постройки гнѣзда: эта работа была удѣломъ птицъ болѣе низкаго происхожденія. Удѣломъ же нашей пары было охотиться, бороться съ вѣтромъ и пожирать пространство для собственнаго удовольствія. Поэтому гнѣздо на днѣ пещеры, въ восемнадцати дюймахъ отъ отверстія, отличалось спартанской простотой. Соколиха вырыла когтями плоское углубленіе одиннадцати дюймовъ въ діаметрѣ, посмотрѣла на него съ пять минутъ и, прокричавъ необыкновеннымъ, жалобнымъ крикомъ: „кни-аркъ!“ возвѣстила, что она готова вступить въ управленіе домашнимъ хозяйствомъ.

Случилось это въ мартѣ. Послѣ того они стали охотиться, по обычаю, порознь, оставаясь вмѣстѣ лишь во время бѣснаго утренняго веселья, когда весь дикій міръ глядѣлъ на нихъ въ изумленіи, пораженный ужасомъ.

Всю ночь они ютились рядомъ—мрачные, неукротимые, надменные, но вѣрные другъ другу. Они скорѣе забыли бы распустили свои крылья и хвостъ, падая съ высоты съ головокружительной быстротой, и разбились бы на смерть о землю, чѣмъ подумали бы объ измѣнѣ другъ другу.

Вечеромъ, семнадцатаго апрѣля, соколъ вернулся домой. Было жарко, онъ усталъ, и настроеніе у него было, какъ и перья, взъерошенное. Но если судьба благословила васъ подругой на цѣлыхъ два дюйма длиннѣе васъ самого,—а это общая участь птицъ сапсановъ,—настроеніе приходится поневолѣ обуздывать. Онъ охотился за лозникомъ. Лозникъ—небольшая, тонкая, съ крыльями въ видѣ косы, болотная птица, ловко умѣющая водить за носъ хищныхъ птицъ. Ловко заманивъ его въ погоню, она поднялась было на такую высоту, чтобы принять его смертельный ударъ, а затѣмъ стремглавъ пустилась вдоль канала и скрылась, оставивъ за собой лишь насмѣшливый, рѣзкій свистъ.

Но вернемся къ разсказу. Соколъ взмыль на высоту въ тысячу футовъ и затѣмъ, съ бѣшеной быстротой, плотно сомкнувъ крылья, спустился снова внизъ, и у самага входа въ пещеру остановился, широко раскрывъ крылья, распутивъ вѣромъ хвостъ и откинувъ назадъ туловище. Онъ стоялъ тихо, со странной, свойственной соколамъ манерой, глядя изъ-подъ нависшихъ бровей.

Его подруга неподвижно стояла возлѣ гнѣзда, смотря на что-то, лежавшее внутри. Не думаю, чтобы они вполне оцѣнили значеніе того, на что они глядѣли, хотя они понимали всю святость его. Это было яйцо—сливочно-бѣлое, круглое яйцо въ красныхъ крапинахъ. Птицы сами казались изумленными: ихъ опытъ въ этомъ дѣлѣ ограничивался лишь тѣмъ, что они когда-то сами были внутри яйца, а съ этой стороны яйца выглядятъ, конечно, иначе.

„Кни-аркъ!“ сказала соколиха и поспѣшно сѣла на свое сокровище, съ такой предосторожностью, словно садилась на горячій уголь. Очевидно, она намѣревалась быть одной изъ тѣхъ ретивыхъ насѣдокъ, что садятся, вопреки общепринятому обычаю, сразу же на первое яйцо.

„Кра-акъ!“ произнесъ соколъ и отправился спать. Что бы тамъ ни было, яйца ли, звѣзды ли сваливаются на васъ, спать надо, а, кромѣ того, онъ зналъ, что принесетъ съ собою слѣдующій день.

И день принесъ—вмѣстѣ съ золотыми, красными, желтыми и розовыми красками великолѣпнаго солнечнаго восхода—принесъ настоящее требованіе пищи изнутри пещеры.

Соколъ сидѣлъ, грѣясь на солнышкѣ и заботливо прочищая свои перья. Онъ, казалось, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на зовъ, но странные глаза его сверкнули по волнамъ и по размываемой ими скалѣ, и онъ почесалъ голову наружнымъ желтымъ пальцемъ.

Затѣмъ онъ внезапно выпалъ изъ пещеры, такъ внезапно, что каждый пернатый наблюдатель—а такихъ были сотни—вздрагнулъ. Съ быстротой молніи оправившись, онъ исчезъ надъ скалой. Когда онъ вернулся черезъ полчаса, въ когтяхъ у него былъ молодой кроликъ.

Девятнадцатаго апрѣля появилось второе яйцо, а двадцать второго было снесено третье и послѣднее. Всѣ они были одинаковой окраски, но двухъ, совершенно сходныхъ, не было. Они были уложены соколихой на разстояніи дюйма одно отъ

другого, въ видѣ треугольника. Кстати сказать, ни одна соколица не позволяетъ своимъ яйцамъ дотронуться другъ до друга, если только она въ состоянїи это сдѣлать. Таковъ обычай, но если какой-нибудь человѣкъ зналъ основаніе этого обычая, то онъ не повѣдалъ его міру. Быть-можетъ, причина такому обычаю есть, а быть-можетъ, и нѣтъ. Большинство вещей въ природѣ, однако, имѣетъ свое основаніе.

Съ этого момента начались для нашей пары затрудненія. Соколъ охотился одинъ, какъ и раньше, но теперь ему приходилось охотиться за двоихъ, и, вмѣсто того, чтобы поѣдать добычу на мѣстѣ, какъ бывало раньше, во дни свободы, онъ долженъ былъ теперь приносить ее домой. Поэтому онъ соблюдалъ большую осторожность на охотѣ. Иногда онъ садился на яйца самъ, но нельзя сказать, чтобы ему былъ по вкусу ужасный, медленный, требующій громаднаго терпѣнія, процессъ высиживанія.

Въ первый день ему не повезло. Бросившись изъ гнѣзда съ обычной его необыкновенной стремительностью, онъ пустился въ погоню за стаей галокъ. Галки—птицы низкаго происхожденія, съ мѣщанской рѣчью, и очень свѣдущія. Онѣ доказали это сразу, полетѣвъ къ гнѣзду вѣрона, которое находилось на разстоянїи четверти мили оттуда. Соколъ, увлекшись стремительной погоней, очутился въ такомъ положенїи, что не могъ безъ опасности для себя игнорировать большую, черную тѣнь надъ собой; другая тѣнь кружилась съ правой стороны. То были вѣроны, а вѣроны—заклятые враги соколовъ.

Соколъ зналъ, какъ зналъ и весь дикій міръ, что затѣвать ссору съ вѣрономъ въ то время, когда выводятся птенцы,—безразсудно. Вѣронъ бываетъ неловокъ и медлителенъ, но такой птицы, которую бы онъ побоялся въ это время—нѣтъ.

Двумя мѣсяцами раньше соколъ ударилъ бы галку подъ самой тѣнью крыльевъ вѣрона, будь въ этомъ надобность, и предоставилъ бы несчастной жертвѣ барахтаться въ морѣ внизу. Кромѣ того, онъ загналъ бы такъ любого вѣрона, осмѣлившагося безпокоить его,—хотя для этого нужна не малая отвага,—что тотъ радъ былъ бы убраться отъ него по добру по здорову. Но соколъ былъ охваченъ извинительной трусостью отца и мужа,—страхъ, которому поддается храбрѣйшій. Кромѣ того, цѣлью его были поиски пищи, а не ссоры съ птичьей чернью скалистаго берега.

Поэтому онъ понесся съ волшебною быстротою дальше и вскорѣ очутился надъ болотомъ въ пяти миляхъ разстоянія, гдѣ онъ и нашелъ красноногаго лозника. Онъ пустился за нимъ въ погоню и тутъ сдѣлалъ непростительный промахъ.

Лозникъ—болотная птица средней величины, съ краснымъ клювомъ и красными ногами. Онъ — единственная изъ птицъ, пригодныхъ для ѣды, которая въ числѣ не уменьшается, а это доказываетъ его необычайную хитрость.

Завидѣвъ сокола, лозникъ поднялся подъ облака, но медленно своего преслѣдователя, мчащагося съ быстротою семидесяти миль въ часъ. Не успѣлъ соколъ пролетѣть и половины пути, какъ лозникъ внезапно повернулъ обратно и просвистѣлъ мимо него. Перемена тактики произошла такъ ошеломительно-быстро, что соколъ еще не успѣлъ оцѣнить все значеніе ея, какъ лозникъ былъ уже далеко, съ протяжнымъ и насмѣшливымъ крикомъ: „тайопъ, тайопъ!“

Кромѣ того, лозникъ старался держаться надъ самой землей, пока не скрылся совершенно изъ виду: онъ зналъ отлично, что соколъ не осмѣлится бить съ налету птицъ, летящихъ низко надъ землею, потому что самъ можетъ при этомъ разбиться на смерть прежде, чѣмъ успѣетъ уменьшить свою ужасную скорость.

Соколъ въ ярости крикнулъ рѣзко и коротко: „кэкъ! кэкъ!“ и полетѣлъ за новой добычей.

Глаза всѣхъ хищниковъ — чудо остроты, поэтому соколъ сейчасъ же замѣтилъ дикаго селезня, который, возвращаясь съ сытной пирушки, выписывалъ круги на высотѣ прежде, чѣмъ рѣшилъ нырнуть въ камыши, гдѣ вела хозяйство его подруга.

Селезень, правда, спустился въ камыши, но не совсѣмъ такъ, какъ онъ этого ждалъ — гораздо быстрѣе, чѣмъ свойственно этой птицѣ, и кувыркомъ. Свистящей чертой спустился соколъ сверху и, ударивъ несчастнаго селезня шпорой правой ноги, окончилъ его жизнь.

Такъ жилъ соколъ пять дней, ничѣмъ не смущаемый. Но когда онъ вернулся въ тотъ пятый вечеръ домой, несчастье ожидало его.

Обычно онъ возвѣщалъ свое прибытіе домой протяжнымъ, жалобнымъ крикомъ: „кии-аркъ!“ Упавъ съ высоты въ тысячу футовъ къ самому отверстию пещеры, онъ снова взлеталъ на большую высоту и повторялъ этотъ маневръ раза два или три. Но въ этотъ вечеръ, нырнувъ, онъ задержалъ

полетъ на серединѣ, и отлетѣлъ въ сторону, бѣшено раздвинувъ воздухъ своими изогнутыми крыльями. Крикъ замеръ въ его изсиня-черномъ, крючковатомъ клювѣ.

Его подруга неподвижно парила въ воздухѣ, головой къ вѣтру, надъ открытымъ моремъ, на разстояніи полумили отъ берега. Она замерла на небольшой высотѣ, напротивъ пещеры, и не издавала ни звука. Было что-то странно-загадочное въ этой мрачной, безмолвной неподвижности большой хищной птицы, повисшей одиноко среди залитой краснымъ свѣтомъ огромной пустыни моря и неба.

Въ пещерѣ былъ человѣкъ. Соколы увидѣлъ его, и то взлеталъ вверхъ, то нырялъ снова книзу. То и дѣло раздавался его звонкій, гнѣвный крикъ: „кра-акъ! кра-акъ! кра-акъ!“ Его подруга, слегка повернувъ голову, отвѣтила въ первый разъ какимъ-то особеннымъ, грустнымъ „ки-и-ар-къ!“ Вслѣдъ за тѣмъ раздался ея встревоженный, рѣзкій крикъ: „куаркъ!“ То былъ единственный звукъ, который она издала во время всего происшествія.

Спустя нѣсколько минутъ, — онѣ казались птицамъ часами, — человѣкъ вышелъ.

Соколы совершенно упустили изъ виду то обстоятельство, что огромный, нависшій камень, полу-скрывшій входъ въ пещеру, закрывалъ отъ нихъ дорогу, по которой ловкій человѣкъ могъ добраться до пещеры съ вершины скалы.

Человѣкъ, выйдя изъ пещеры, вскарабкался на эту дорогу и направился въ чашу дикаго терна. Онъ не вышелъ обратно оттуда, и фактъ этотъ былъ отмѣченъ соколѣмъ.

Мелькнувъ темной полосой, соколиха, полная яростнаго нетерпѣнія, скользнула въ гнѣздо. Соколъ же быстро носился взадъ и впередъ по воздуху.

Среди дичи царитъ убѣжденіе, что тамъ, гдѣ притаится человѣкъ, замышляется смерть. Поэтому соколу было не по себѣ: его тревожилъ человѣкъ, забравшійся зачѣмъ-то въ чашу кустарника. Пронесясь стрѣлой мимо отверстия пещеры, онъ испустилъ внезапно предостерегающій крикъ, и соколиха выпорхнула въ тревогѣ изъ гнѣзда.

Улетая въ море, она бросила пронзительный взглядъ назадъ на скалу: люди взбирались вдоль ея края. О, ужасъ! Еще люди! Они пришли и остановились надъ пещерой. Они говорили между собой. А человѣкъ въ кустахъ не подавалъ ни признака жизни.

— Нѣтъ, здѣсь не должно быть листьевъ, — сказала Такэй.

Она взяла въ одну руку горсточку синяго песку, а въ другую желтаго и за разъ высыпала на бумагу тотъ и другой песокъ. Тогда синій и желтый песокъ, смѣшавшись, сдѣлался зеленаго цвѣта, и дерево покрылось сверху зеленой листвою.

— Я придумала, — что мнѣ сдѣлать изъ этихъ черныхъ крапинокъ! — воскликнула Такэй. — Пусть это будетъ у меня рой пчель.

На нашемъ рисункѣ вы можете видѣть картину Такэй. На берегу озера стоитъ дерево, и къ нему летятъ черныя пчелки.

— А твоя картина вышла нисколько не хуже моей, — сказалъ Таро.

— Ахъ, нѣтъ, твоя гораздо лучше! — поспѣшила вѣжливо замѣтить Такэй.

Близнецы показали бабушкѣ готовыя картины, и бабушка очень похвалила ихъ.

— Ну, а теперь скажи мнѣ, во что ты хотѣлъ играть, Таро? — спросила Такэй, когда весь песокъ былъ убранъ на мѣсто.

— Для этого мнѣ надо сначала сходить въ садъ, — отвѣчалъ Таро.

— Надѣнь деревянные башмаки, возьми зонтикъ и не оставайся подъ дождемъ дольше одной минуты, — сказала ему бабушка.

Таро одѣлъ башмаки, открылъ зонтикъ и выбѣжалъ въ садъ. Такэй никакъ не могла догадаться, что онъ

хочетъ сдѣлать. Она слѣдила за нимъ черезъ полуотворенную дверь.

Таро перебѣгалъ отъ одного дерева къ другому, осматривалъ ихъ стволы, заглядывалъ подъ листья,

словно искалъ что-то. Затѣмъ онъ присѣлъ на землю и схватилъ кого-то рукой.

— Одною я уже поймалъ! — воскликнулъ онъ.

— Кого? — крикнула ему Такэй.

— Жука!

Скоро Таро нашель и второго жука. Тогда осторожно, стараясь не

причинить имъ вреда, онъ принесъ обоихъ жуковъ домой и посадилъ ихъ въ картонную коробку. Затѣмъ онъ принесъ еще листъ бумаги и маленькій перочинный ножикъ.

— Таро, что ты хочешь дѣлать? — спросила, сгорая отъ нетерпѣнія, Такэй.

— Если ты и бабушка поможете мнѣ, я сдѣлаю двѣ маленькихъ колясочки и запрягу въ нихъ жуковъ.

— А жукамъ не будетъ больно? — спросила Такэй.

— Нѣтъ, мы сдѣлаемъ это осторожно, — отвѣчалъ Таро.

Такэй побѣжала за нитками, а Таро пошелъ къ бабушкѣ, чтобы попросить ее помочь имъ. Бабушка всегда была готова помочь близнецамъ. Черезъ нѣкоторое

время на полу уже стояли двѣ маленькія, очень искусно сдѣланныя бумажныя колясочки съ крошечными бумажными же колесами. Къ каждой колясочкѣ Таро привязалъ спереди нитку. Затѣмъ онъ открылъ коробку и вынулъ изъ нея жука. Другой жукъ не дождался и вылетѣлъ самъ. Это былъ большой черный жукъ, онъ полетѣлъ прямо къ Такэй и запутался въ ея черныхъ волосахъ.

Можетъ-быть, жукъ просто хотѣлъ спрятаться въ нихъ, но у него были большія черныя челюсти, которыми онъ больно защемилъ нѣжную кожу на толстенькой шейкѣ Такэй.

Такэй покатила на полъ, громко завизжавъ отъ страха. Мать услышала ея крики и тотчасъ прибѣжала къ ней на помощь. Сбѣжались и всѣ служанки, чтобы узнать въ чемъ дѣло.

— Ой, ой, ой! — плакала Такэй.

Она не могла выговорить ни слова и, продолжая кричать, только отчаянно царапала свою шею. Напрасно старались всѣ добиться отъ нея, что съ ней случилось.

— Я знаю, знаю! — вдругъ воскликнулъ Таро.

Онъ встряхнулъ волосы Такэй, и оттуда вылетѣлъ черный жукъ. Таро поймалъ его.

— Съ нимъ ничего не сдѣлалось, — сказалъ онъ.

— Но со мной сдѣлалось! — хныкала Такэй.

Мать и бабушка обмыли укушенное мѣсто на шейкѣ Такэй и начали утѣшать ее. Такэй скоро успокоилась, снова почувствовала себя такой же счастливой, какъ прежде, и продолжала свою, такъ внезапно прерванную, игру. Вмѣстѣ съ Таро она привязала ниточкой жуковъ къ коляскамъ.

— Одинъ жучокъ будетъ мой, а другой твой, — сказалъ Таро, — и они побѣгутъ у насъ на перегонки.

Онъ пустилъ жуковъ на полъ. Жучки сейчасъ же начали ползти и потащили за собой коляски. Жукъ Таро приползъ первымъ. Дѣти долго играли съ жуками, пока бабушка не сказала имъ:

— Ну, теперь пустите жуковъ на волю. Сейчасъ будетъ готовъ обѣдъ.

Близнецы уже успѣли проголодаться. Они распрягли жуковъ и унесли ихъ на веранду. Тамъ они посадили ихъ на перила.

— Летите къ себѣ домой! — громко крикнули они жукамъ и побѣжали въ кухню, чтобы узнать, что готовится сегодня къ обѣду. Изъ кухни пахло такъ аппетитно!

Такэй подошла къ плитѣ и подняла у большого котелка крышку. Плита у близнецовъ была устроена очень странно, совсѣмъ не такъ, какъ у насъ. На картинкѣ нарисована эта плита и близнецы, заглядывающіе въ котелокъ.

— Здѣсь рисъ! — сказала Такэй.

— Конечно, — замѣтилъ Таро. — Вѣдь ты же знаешь, что въ этомъ котелкѣ всегда бываетъ рисъ. А что вотъ здѣсь?

Онъ заглянулъ въ другой котелокъ. Въ немъ что-то кипѣло, и изъ котелка валилъ такой горячій паръ, что Таро чуть не обжегъ себѣ носъ. Въ этомъ котелкѣ варилаась рыба.

Когда обѣдъ былъ готовъ, бабушка, мать и оба близнеца усѣлись всѣ вмѣстѣ обѣдать. Бот-Чэнъ крѣпко спалъ.

— Послѣ обѣда бабушка сказала:

— Ну, теперь я пойду немного соснуть.

— Мы не будемъ шумѣть и постараемся не разбудить тебя и Бот-Чэна, — сказалъ Таро.

Когда маленькіе столики были убраны, мать сказала близнецамъ:

— Пойдемте, дѣти, посидимъ около хибаччи и погрѣемся немного.

„Хибаччи“ называется въ Японіи особая печка, которая бываетъ почти въ каждомъ японскомъ домѣ. Она

сдѣлана въ видѣ открытаго четырехугольнаго металлическаго ящика, въ ящикѣ всегда лежатъ горячіе угли. Обыкновенно каждый членъ семьи имѣетъ для себя такую отдѣльную маленькую печку, но иногда близнецы предпочитали усѣсться всѣмъ вмѣстѣ передъ одной большой хибаччи и поплотнѣе прижаться къ матери.

Мать взяла четырехугольную желѣзную раму и положила ее сверху на хибаччи. Затѣмъ она достала изъ шкафа теплое одѣяло и постелила его на раму, а на полу передъ хибаччи разложила одну большую подушку и по бокамъ ея двѣ маленькихъ.

Когда все было готово, мать сѣла на большую подушку; Таро усѣлся по одну сторону ея, а Такэй по другую. Они натянули себѣ на колѣни нагрѣтое одѣяло— и какъ тепло и уютно стало имъ тогда!

— Расскажи намъ что-нибудь, уважаемая мамочка!— попросилъ Таро.

— Да, пожалуйста, расскажи!— попросила Такэй.

— Погодите, дайте мнѣ сперва подумать. Что бы такое рассказать вамъ?— Мать прижала палецъ къ бровямъ и нѣсколько минутъ раздумывала.

— Расскажи намъ про „Волшебный чайничекъ“,— попросила Такэй.

— Нѣтъ, лучше про „24 образцовыхъ человѣка“,— сказалъ Таро.

— Какіе это образцовые люди?— спросила Такэй.

— Это тѣ, которые поступаютъ всегда лучше всѣхъ и которымъ мы должны стараться подражать,— объяснила ей мать.

— Значитъ и ты, мамочка, тоже изъ образцовыхъ людей?— спросила Такэй.

— Нѣтъ, — воскликнула мать. — Гдѣ мнѣ сравниться съ ними!

— Ну, тогда, значить, образцовыхъ людей совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ, — рѣшительно объявила Такэй, — потому что никто не можетъ быть лучше тебя.

Мать засмѣялась.

— Подожди, пока я расскажу тебѣ про нихъ, — сказала она, и начала рассказывать:

„Какъ-то разъ жилъ на свѣтѣ одинъ маленькій мальчикъ. Онъ былъ очень добрый и любилъ своихъ родителей. Вы даже не можете себѣ представить, до чего онъ былъ добръ, хотя ему было всего только шесть лѣтъ. Мальчикъ былъ очень красивый, у него была тонкая нѣжная кожа и большіе ясные глаза.

Домъ, въ которомъ этотъ мальчикъ жилъ со своими родителями, стоялъ посреди рисовыхъ полей. Весной поля заливались водой, и тогда надъ ними кружилось

множество москитовъ. Мальчикъ видѣлъ, какъ страдали отъ москитовъ его родители, и рѣшилъ спасти ихъ. И вотъ каждую ночь онъ ложился голый на циновку, москиты набрасывались на него и кусали его нѣжную кожу, а родители мальчика такимъ образомъ были спасены отъ ихъ укусовъ“.

— Какой онъ былъ храбрый!—воскликнула Такэй.— Я очень боялась бы москитовъ.

— Ты и жуковъ боишься,—презрительно сказалъ Таро.

— Ну такъ что жъ!—возразила Такэй.— А все-таки я предпочла бы, чтобы жукъ кусалъ меня, чѣмъ мамочку.

— Можетъ-быть, и ты тоже будешь современемъ образцовой дѣвочкой,—сказала мать.— Хочешь, я расскажу тебѣ про одну маленькую дѣвочку, которая спасла жизнь своему отцу? Она любила его больше всего на свѣтѣ. Какъ-то разъ ей пришлось пойти съ отцомъ въ джунгли ¹⁾, гдѣ на нихъ напалъ тигръ. Тогда дѣвочка бросилась навстрѣчу тигру и сжала своими ручонками его челюсти, такъ что отецъ ея успѣлъ убѣжать.

— И тигръ съѣлъ ее?—спросила испуганно Такэй.

— Я думаю, что да,—отвѣтила мать.

— А какъ ты думаешь, мамочка, хорошо сдѣлала дѣвочка, что спасла своего отца?— снова спросила Такэй.

— Конечно, очень хорошо!—воскликнула мать.

— Ну, а отецъ хорошо сдѣлалъ, что убѣжалъ и оставилъ свою дочку на съѣденіе тигру?

— У насъ въ Японіи жизнь женщины не такъ цѣнится, какъ жизнь мужчины,—отвѣтила мать.

¹⁾ Джунгли—непроходимая болотистая чаща.

Такэй сердито ударила рукой по подушкѣ.

— Я не понимаю, какъ могла дѣвочка любить и уважать своего отца, который поступилъ такъ гадко, — сказала она.

— Но вѣдь она же любила его, — возразила ей мать.

— Расскажи намъ еще про кого-нибудь, — попросилъ Таро.

— Только, пожалуйста, мамочка, не рассказывай намъ больше про образцовыхъ людей! — воскликнула Такэй.

— Почему? — спросила мать. — Развѣ ты не хочешь еще послушать про одного хорошаго мальчика, который ложился на холодный ледъ, чтобы ледъ протаялъ отъ теплоты его тѣла, и мальчикъ могъ поймать нѣсколько штукъ рыбъ на обѣдъ своей злой мачехѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мамочка, пожалуйста, не рассказывай про него! — воскликнула Такэй. — Всѣ родители этихъ образцовыхъ людей ужасно злые и гадкіе.

— Перестань, моя милая дѣвочка, — остановила ее

мать. — Ты должна говорить такъ. Мы всѣ обязаны любить и уважать нашихъ родителей.

— Да, — сказала Такэй, — мы очень любимъ и уважаемъ тебя и нашего отца, но это потому, что вы всегда такъ добры къ намъ.

Она положила обѣ руки на циновку и поклонилась своей матери до земли. Таро не захотѣлъ отстать отъ сестры; онъ сползъ съ подушки на полъ и тоже низко поклонился матери.

— А теперь, мамочка, пожалуйста, расскажи намъ про „Волшебный чайничекъ“! — попросила Такэй.

— Много лѣтъ тому назадъ... — начала было мать.

Вдругъ изъ того угла, гдѣ на подушкѣ спалъ Бот-Чэнъ, послышался слабый пискъ, и одѣяло начало шевелиться.

— Бот-Чэнъ проснулся, — сказала мать. — Я должна теперь пойти къ нему. „Волшебный чайничекъ“ подождетъ до слѣдующаго раза.

Какъ разъ въ это время на бумажномъ экранѣ появились яркія солнечныя пятна, и на нихъ красивыми узорами заколебались тѣни отъ листьевъ.

— Солнышко выглянуло! Солнышко выглянуло! — закричали близнецы.

Они выбѣжали на крыльцо, одѣли свои деревянные башмаки и черезъ нѣсколько минутъ уже весело прыгали въ саду подъ лучами яркаго солнышка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Съ англійскаго Л. и Ж. Караваевы.

15

7WV

181600 / 281

